

ЕВРЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ИЕРУСАЛИМЕ
•
ЦЕНТР СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

•
ЦЕНТР ЧЕЙЗА ПО РАЗВИТИЮ ИУДАИКИ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

•
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ЕВРЕЙСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

—•—
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

•
ХАЗАРСКИЙ ПРОЕКТ

ХАЗАРЫ

Евреи и славяне Том 16

Редакционная коллегия
В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук,
А. Кулик, Д. Шапира

Гешарим / Иерусалим
Мосты культуры / Москва
2005

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛЕГЕНДЫ О ПОЛЯНСКОЙ ДАНИ ХАЗАРАМ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Сложнейшая структура внутренних отношений разноэтнического населения Хазарского каганата остается одной из наименее разработанных тем в современном хазароведении. Казалось бы, наиболее понятной выглядит модель отношения хазар с северо-западной группой данников – восточнославянскими племенами. Но и здесь остается целый спектр нерешенных вопросов, главные из которых – время и обстоятельства установления такого рода отношений между славянами и хазарами.

Письменные источники не содержат никаких хронологических ориентиров для датировки подчинения славян хазарам. Неизвестно даже, случилось ли это одновременно или же в несколько этапов. Специально рассмотрев еще раз имеющиеся источники, А.П. Новосельцев смог предложить только наиболее вероятный с точки зрения исторической ситуации диапазон для хазарской экспансии в северо-западном направлении – период после походов Мервана (737 г.) и до конца VIII в. (Новосельцев, 1990. С. 199–205), т.е., фактически согласившись с наиболее распространенной в исторической литературе датой – вторая половина VIII в. К близкой дате пришел и О.В. Сухобоков, заключивший, что задачу подчинения славян мог выполнить только многочисленный воинский контингент, который появляется на Левобережье Днепра лишь с населением салтовской культуры в середине VIII в. (Сухобоков, 1992. С. 63–64). В.А. Петрашенко, связав следы подчинения полян хазарам с распространением на Правобережье Днепра волынцевской гончарной посуды, датировала последний эпизод концом VIII – началом IX в. (Петрашенко, 1997. С. 160), а О.М. Приходнюк, рассматривая как следы проникновения хазар в Поднепровье разгром Пастырского городища, относит его ко времени около 744 г. (Приходнюк, 2002. С. 85).

Опираясь на летописные свидетельства о достаточно «мягкой» дани северян, вятичей и радимичей хазарам, многие историки предполагали почти безболезненное включение славян в состав каганата, забывая при этом о ярких фактах вооруженного сопротивления этих же племен русским князьям в X–XI вв. Но если процесс подчинения славянских племен хазарами действительно носил военный характер, речь идет о крупномасштабных событиях, затронувших практически все Среднее Поднепровье и Подонье. Не отразиться в археологических материалах они просто не могли. В таком случае должны существовать археологические памятники двух групп. Первая группа – это славянские памятники, отражающие крупное вторжение кочевников, а вторая – собственно кочевнические погребения в ареале славянских культур.

Наиболее яркими комплексами первой группы являются славянские клады VII–VIII вв. Впервые причинно-следственную связь их массового выпадения с появлением хазар предположила Г.Ф. Корзухина (Корзухина, 1955. С. 78, 79). Позже гипотеза была несколько модифицирована О.А. Щегловой, которая, аргументировав разделение кладов на две хронологические группы, связала появление кладов 1-й группы с гипотетическим бегством на север части булгар, а второй – с непосредственным проникновением в лесостепь хазар (Щеглова, 1990). К этому же объяснению склоняются И.О. Гавритухин и А.М. Обломский, считая, что непосредственных данных о присутствии хазар в лесостепи нет (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 146, 147). О.М. Приходнюк же предполагает, что сокрытие кладов стало следствием преследования хазарами антских дружин, достигнувшее даже лесной зоны (Приходнюк, 2002. С. 84).

Клады 1-й группы так и не были востребованы их собственниками. Объяснить последнее можно лишь тем, что славяне в силу определенных причин были вынуждены срочно покинуть свои поселения, надеясь возвратиться к ним после того, как опасность пройдет, но так и не смогли этого сделать. Причину невостребованности кладов проясняют лесостепные кочевнические памятники, ареал которых пересекается с ареалом распространения кладов 1-й группы. На сегодня в лесостепном Левобережье Днепра известны 3 подкурганных [Поставмуки (Авенариус, 1896. С. 184–185), Березовка (Данилевич, 1905. С. 427–428, 432), Топило (Левченко, 2001. С. 120–121)] и 7 бескурганных [Рябовка (Обломский, Терпиловский, 1991), Осиповка (Беляев, Молодчикова, 1978. С. 89), Максимовка (Левченко, 2001. С. 120–121)] погребений, аналогичных по обряду степным подкурганным погребениям перещепинской культуры (Комар, 2000), 3 комплекса келегейского типа [Перещепина (Сокровища хана Кубрата, 1997), Макуховка (Зарецкий, 1912. С. 204), Новые Санжары (Смиленко, 1968)] и аланское поселение [Мачехи (Макаренко, 1911. С. 116–118)]. Особенно показательны аланский гончарный центр из Мачех и два грунтовых могильника (Рябовка и Максимовка), которые убедительно показывают, что проникновение кочевников в лесостепь было не кратковременной одномоментной акцией,

а настоящей попыткой закрепиться на некоторое время в этом регионе. Эти события, несомненно, вынудили к бегству часть пеньковского и колочинского населения Левобережья, что и обусловило выпадения Гапоновского, Суджанского, Колосковского, Блажковского и им подобных левобережных кладов. Более того, даже сам Перещепинский комплекс обнаружен рядом с пеньковским поселением, в котором собраны отдельные предметы горизонта кладов 1-й группы (браслеты, геральдическая бляшка) (Левченко, 1999). Не совсем четкая дата у пеньковского поселения Новые Санжары, зато уверенно к заключительной фазе культуры относится Бельское поселение (Приходнюк, 1998, 40–60). Прекращение существования ворсклинской группы пеньковских поселений однозначно следует связывать с появлением тут кочевников. Впрочем, вряд ли вытеснение славян было полным – сразу в шести рассматриваемых кочевнических погребениях были найдены украшения славянского круга (браслеты, фибулы), несомненно отражающие контакты данной группы кочевников со славянами.

Северная граница распространения кочевнических погребений на Левобережье Днепра не поднимается выше Сейма, т.е. фактически северянского ареала, а вот в Подонье фиксируется появление кочевников и в землях вятичей [Арцибашево (Монгайт, 1951)]. Ареал славянских кладов 1-й группы несколько шире: самый северный из них – Трубчевский – расположен на западной окраине вятичского ареала, но фактически уже по соседству с радимичами, т.е. масштабное вторжение кочевников в славянскую лесостепь во 2-й пол. VII в. затронуло области расселения сразу трех племенных союзов: северян, вятичей и радимичей. Можно ли считать случайным, что вся очерченная нами зона в IX в. оказалась в зависимости от Хазарского каганата?

В современной археологии существуют две основных версии этнической принадлежности носителей перещепинской культуры: болгарская (Орлов, 1985; Баранов, 1990; Рашев, 2000 и др.) и хазарская (Айбабин, 1985; Круглов, 1992; Комар, 2000 б). Согласившись с первой, мы были бы вынуждены констатировать факт крупномасштабного вторжения болгар в славянские земли во 2-й пол. VII в., не отмеченный ни одним источником. Не сохранилось об этом памяти и в древнерусских летописях, хотя ПВЛ информирована практически обо всех главных событиях истории европейских кочевников VII в. Летопись знает об осаде аварами Константинополя (626 г.) и об их легендарном насилии над дулебами, о войне тюрков (принятых за предков «белых угров») в союзе с Ираклием с персами (627–629 гг.), о приходе изгнанных хазарами болгар Аспаруха на Дунай (680 г.) и подчинении ими придунайских славянских племен. Фольклор восточных славян также сохранил до XI–XII вв. память об аварах и хазарах, но он ничего не знал ни о каком вторжении в их земли болгар. Наконец, рассказывая об отношениях Руси с Дунайской и Волжской Булгариями в X в., составители ПВЛ не приводят ни одной фольклорной или исторической ретроспекции, которая позволила бы заключить хотя бы о каком-нибудь знакомстве восточных славян с булгарами предыдущих исторических эпох.

Прямо противоположную картину наблюдаем в случае с хазарами. Киевские летописцы не смогли удержаться от возведения в ранг исторических событий народного анекдота конца X в. о «дани мечами», которую они (т.е. киевляне) якобы выплатили хазарам во время их первого появления в Киеве. Летопись оперирует племенным названием «поли», но все упоминания о хазарской дани в недатированной части связаны именно с Киевом. Это освобождает нас от проблематичной задачи поиска критериев выделения культуры полян или территории их расселения: вторжение хазар, повлекшее за собой их появление в окрестностях Киева, должно было затронуть все славянское население Правобережного Среднего Поднепровья.

В рассматриваемом регионе славянские клады 1-й группы известны (Мартыновка, Малый Ржавец, Вильховчик), но непосредственно на Киевщине их нет, как нет и кочевнических погребений горизонта Перещепины. Следует полагать, что появление здесь хазар около 679 г. было кратковременным и не затронуло кардинальным образом регионы севернее р. Рось. Киевское Поднепровье на самом деле затронул только второй эпизод появления здесь кочевников, связанный с выпадением кладов 2-й группы по О.А. Щегловой.

Правобережные и левобережные клады 2-й группы, скорее всего, не синхронны. Это очевидно для Харьевского клада, менее ясна датировка Зайцевского. Браслеты с полыми концами из последнего явно аналогичны пастырским, но звездообразные серьги представлены лишь схематическими имитациями, а двупластинчатая фибула (аналогичная самгородской) в представительных материалах Пастырского точных аналогий не имеет. Отнесенная же к кладу О.М. Приходнюком пальчатая фибула (Приходнюк, 2000. Рис. 8) является всего лишь прорисовкой А.С. Федоровского фибулы из к. 1 Березовки и к кладу не принадлежит. Близость Зайцевского клада к пастырским несколько нивелируется обилием неизвестных в кладах 1–2 групп глазчатых бородавчатых бус (Корзухина, 1995. Табл. 106, 18), пик распространения которых падает на раннесалтовское время (737–780 гг.). На наш взгляд, состояние зайцевских предметов вполне позволяет допустить, что его сокрытие все же было синхронным времени Харьевского клада и, как уже аргументировалось нами, вероятно, было связано с какими-то подвижками славянского населения вследствие появления в Подонье населения салтовской культуры около 737–740 гг. (Комар, 2000а).

Правобережные клады 2-й группы более ранние. Дата их выпадения совпадает со временем разгрома Пастырского городища и, следовательно, какой-то крупной военной акцией кочевников в этом регионе. О.М. Приходнюк связывает разгром Пастырского с походами хазар после 744 г. (Приходнюк, 2000. С. 69), т.е. фактически относит его уже к салтовскому времени. Но характерные железные трехлопастные наконечники стрел длиной до 11–12 см и «калибром» около 3 см из слоя разгрома Пастырского (Приходнюк, 1999. Рис. 2, 10–19; Приходнюк, Вакуленко, 1998. Рис. 4, 6) достоверно не известны ни в одном салтовском комплексе. Точнее, по

форме аналогичные, конечно же, есть, но размер наконечников стрел на салтовском этапе сокращается более чем в два раза, причем этот процесс хорошо заметен уже в Вознесенке и Глодосах, где впервые отмечены небольшие «салтовские» типы. Наиболее поздние близкие к пастырским наконечники с отверстиями в лопастях найдены в курганах Чир-Юрта первой четверти VIII в. (Магомедов, 1983. Рис.19, 7, 8), в Вознесенке и Келегеях. Наконец, один из пастырских наконечников (Приходнюк, 1999. Рис. 2, 14) относится к характерному кочевническому типу, бытование которого в Северном Причерноморье не выходит за рамки горизонта Перещепины, что датирует время разгрома Пастырского максимум началом горизонта Вознесенки, т.е. началом VIII в.

Судя по географии распространения кладов 2-й группы, проникновение кочевников в лесостепь правобережного Среднего Поднепровья на этот раз было основательным и достигло даже Киева, о чем свидетельствует клад 1892 г. (Корзухина, 1995. Табл. 1). Впрочем, более ярким археологическим свидетельством этого проникновения является вторая группа памятников – кочевническая. Она состоит на сегодня из 4 погребений (Глодосы, Журавлиха, Белая Церковь, Геленовка). Самым южным и одновременно наиболее территориально близким к Пастырскому городищу комплексом являются Глодосы, представляющие собой остатки богатого погребения по обряду трупосожжения (Сміленко, 1965). Второе погребение открыто севернее у с. Журавлиха (90 км южнее Киева). Это обычное впускное погребение с восточной ориентировкой в сопровождении шкуры и сбруи коня, а также солида Константа II 646–651 гг. чеканки (Стрихар, 1992). К западу от Журавлихи известно разрушенное погребение из кургана у Белой Церкви; его обряд неизвестен, а из инвентаря сохранилось лишь стремя вознесенского типа с характерной инкрустацией золотой насечкой по железу (сообщение Р.С. Орлова). Наконец, наиболее северное погребение, открытое у с. Геленовка (совр. Оленовка), расположено всего в 40 км от древнего Киева и представляет собой подкурганное трупосожжение (Rulikowski, 1880). Все четыре погребения по инвентарю и обряду уверенно относятся к перещепинской культуре (Комар, 2000б). Из них три: Глодосы, Журавлиха и Белая Церковь – принадлежат к горизонту Вознесенки (705–725), позиция же геленовского погребения в рамках позднейшего предсалтовского горизонта Галиат–Геленовка (725–740) специально аргументировалась нами (Комар, 1999. С. 115–133).

Таким образом, даты кочевнических комплексов совпадают со временем разгрома Пастырского городища и позволяют заключить, что глубокое проникновение хазар в правобережное Среднее Поднепровье, носившее характер военной акции, случилось в начале VIII в. Именно эти события и отразились в памяти киевского населения X в. о появлении под Киевом хазар. Как видим, подчинение полян произошло несколько позже, чем северян, радимичей и вятичей, попавших зависимость от хазар уже в последней четверти VII в. Освобождение же «полян» (т.е. киевлян) от хазарской дани,

согласно ПВЛ, также случилось гораздо раньше, чем остальных хазарских данников, что и предопределило достаточно высокомерную позицию киевских летописцев в этом вопросе. Следует отметить, что хазарская инвазия не могла не задеть еще одно восточнославянское племя – уличей, причем первый раз это случилось еще на этапе кладов 1-й группы, т.е. синхронно с вторжением хазар в Левобережье. Отсутствие летописных упоминаний о зависимости уличей от хазар, очевидно, связано не только с общей слабой информированностью летописцев об этом племени, а также с их освобождением от дани одновременно с полянами, вследствие чего уличи уже при Олеге не входили в состав хазарских данников и, следовательно, не попали ни в один из летописных списков.

Проникновение хазар в лесостепь в конце VII – начале VIII в. нельзя прямолинейно связывать с примитивными захватническими стремлениями. На Левобережье Днепра лесостепные кочевнические комплексы представляют два хронологических горизонта Перещепины и Вознесенки (679–725), такая же картина и на Правобережье, где представлены погребения горизонта Вознесенки и Галиат–Геленовки (705–740). В обоих регионах присутствие хазар в лесостепи охватило минимум 25–30 лет, и, следовательно, речь шла не столько о подчинении лесостепных племен, сколько об элементарном захвате территории для собственных нужд. Причины, на наш взгляд, нужно искать в климатической ситуации в причерноморской степи, первым внимание на которую обратил И.А. Баранов (Баранов, 1990, 17, 18). Ксеротермальная фаза в период II–5 по Ю.Л. Раунеру (100–650) и длительный промежуток низкого уровня увлажнения (IV – нач. VIII в.) (Раунер, 1981. Табл.1, рис.5), очевидно, максимально приблизили степи Северного Причерноморья по характеристикам к степям аридных зон Евразии, чутко реагирующих на любые длительные циклы солнечной активности. Хазары проникли в Северное Причерноморье около 679 г., т.е., по данным Г.И. Швеца (Швец, 1978, табл.6), после крайне длительного засушливого периода 598–677 гг. в кратковременный влажный период (677–687). Но затем последовали 6 сухих лет (687–692) и снова четыре влажных с коэффициентом стока Днепра 1,04 (692–695), после чего наступил достаточно длительный сухой период 695–722 гг. Еще до конца последнего основная масса кочевников покинула Северное Причерноморье и мигрировала в Среднее Поволжье (Комар, 2002). После этого, как показывают археологические материалы, заметных групп постоянного кочевого населения в украинских степях не было до появления тут (впрочем, тоже кратковременного) мадьяр ок. 839 г. Сравнение двух этапов проникновения хазар в лесостепь с периодами засух в степи делает вполне вероятной версию о климатических причинах продвижения кочевников на север. Интересно, что в таком случае подчинение славянских племен становится как бы «побочным продуктом», а не целью хазар, что, в свою очередь, вероятно, объясняет и «легкую дань» славянских племен хазарам в IX–X вв.

Попытка за счет лесостепных завоеваний закрепиться в Северном Причерноморье, очевидно, диктовалась чрезвычайной заинтересованностью хазар в Крыме и открывшимися перспективами политических и экономических контактов с Византией. Сюжет с Юстинианом II показывает, что в период 695–707 гг. одна из ставок хазарского кагана, имя которого сохранилось только в искаженной форме Ἰβούζηρος Γλαβάνος (вероятно, Ibičig elig qan) (Чичуров, 1980. С. 125), находилась в Крыму. Точнее локализована ставка тестя византийского императора Льва III – кагана Вирхора, который, согласно армянской и славянской версиям «Жития Стефана Сурожского», в 40–50-х гг. VIII в. жил в Керчи (Иванов, 2002). Интересно, что именно в период 737–759 гг. арабские источники не имеют никакой информации о хазарах (Новосельцев, 1990. С. 189). Второе возвращение центра каганата в Крым на этот раз объяснялось серией тяжелых поражений хазар от арабов на Северо-Восточном Кавказе и особенно походом Мервана 737 г. Одновременно, как и в конце VII в., хазары вновь возвращаются в лесостепь, только занимают на этот раз бассейн Северского Донца. Крайне интересно, что наиболее ранние салтовские погребения региона оставлены населением тех же обрядовых групп, которые фиксируются в лесостепи в конце VII – начале VIII в. – это ингумации с восточной ориентировкой (Нетайловка) и кремации (Новая Покровка, Сухая Гомольша, Красная Горка, Тополи); но теперь уже речь идет не о кочевниках, а об их оседлых или полуоседлых потомках. Также вновь появляются и аланские переселенцы (Старый Салтов, Дмитровка). Позже этническая картина в Подонье значительно усложнится, но нельзя не заметить, что действия кагана Вирхора поразительно совпадают с шагами его предка конца VII в.

Особых потрясений в славянском ареале появление салтовского населения на Северском Донце не вызвало. Харьевский и Зайцевский клады, конечно, свидетельствуют, что определенная угроза или даже подвижки славянского населения были, но их никак нельзя сравнить по масштабам с картиной конца VII в. Нет в славянском ареале и кочевнических погребений сер. VIII в. Включение славян в область салтовского влияния на этот раз фиксируется на культурном уровне и связано с распространением в славянском ареале салтовских импортов, а также гончарной посуды волынцевского типа, представлявшей собой продукцию местных мастеров, основанную на салтовской гончарной традиции. Распространение новых культурных влияний фиксируется не только на Левобережье Днепра, но и на Правобережье, где известны памятники с элементами волынцевской культуры (Ходосовка, Обухов) и волынцевскими импортами (Петрашенко, 1997. С. 159–160). В черте современного Киева известны не только волынцевские, но и выразительные роменские материалы, найденные даже в сердце древнего Киева – на Старокиевской горе (Килиевич, 1982. Рис.15; 16) и в слоях 2-й пол. IX – 1-й пол. X в. Подола (Толочко, Гупало, Харламов, 1976. Рис.14); роменские объекты открыты и в Вышгороде. Учитывая четкое противопоставление населения Киевского княжества северянам, сохранявшееся еще в

1-й пол. XI в., вряд ли речь может идти о присутствии северянского населения в Киеве и его округе в VIII–IX вв. – скорее упомянутые волынцевские и роменские материалы действительно отображают временное пребывание славян Киевщины в составе Хазарского каганата, которое и способствовало проникновению элементов культуры северян на правый берег Днепра.

Собственно салтовских памятников в Киеве и его округе нет. Информация о киевских «катакомбах», открытых в 1874 г. (Каргер, 1958. С. 135–137), мало достоверна, но урновые трупосожжения в «камерках» все равно не имеют никаких салтовских параллелей. Единственный же сосуд из Киева, традиционно относимый к салтовским, из п. 3 могильника в «Парке пионеров» (Самойловский, 1950. С. 181), имеет совершенно нехарактерную для салтовских кувшинов форму горла и резко отличается от салтовских крынок.

Приходится констатировать, что археологические следы непосредственного присутствия хазар в правобережном лесостепном Поднепровье ограничиваются 1-й третью VIII в., что не оставляет места для любых спекуляций о значительной роли хазар в Киеве IX–X вв. (Golb, Pritsak, 1982. С. 44–58).

Литература

- Авенариус Н.П. Постапмуцкі курганы // Записки Русского археологического общества. 1896. Т. VIII. Вып.1–2. С. 178–187.
- Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3. С. 191–205.
- Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего Средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990.
- Беляев О.С., Молодчикова Л.О. Поховання кочівників на р. Орель // Археологія. 1978. Вип. 28. С. 84–92.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Данилевич В.Е. Раскопки курганов около с. Буд и х. Березовка Ахтырского уезда Харьковской губернии // Труды XII археологического съезда. 1905. Т. I. С. 411–433.
- Зарецкий И.А. Кладъ найденный при селе Малая Перещепина Константиновскаго уезда Полтавской губерніи // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1912. Вып. IX. С. 181–207.
- Иванов С.А. Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Второй международный коллоквиум. М., 2002. С. 40–43.
- Каргер М.К. Древний Киев. М.–Л., 1958. Т. I.
- Килиевич С.Р. Детинец Киева IX – первой половины XIII в. К., 1982.
- Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // ВА. 1999. № 2. С. 111–136.
- Комар О.В. Поясні набори Фативизького та Харівського скарбів // Музейні читання. К., 2000 а. С. 153–156.
- Комар О.В. Ранні хозари у Північному Причорномор'ї // Археологія. 2000 б. № 1. С. 130–142.

Комар А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2002. Т. 2. С. 11–45.

Корзухина Г.Ф. К истории Среднего Поднепровья в I тыс.н.э. // СА. 1955. Т. 22. С. 61–82.

Круглов Е.В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волгодонья. Пенза, 1992. С. 32–37.

Левченко Д.И. Некоторые находки VI–VII вв. с территории Полтавщины // Полтавський археологічний збірник. Полтава, 1999. С. 163–169.

Левченко Д.І. Ранньосередньовічні поховання в урочищі «Топило» // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. № 2. С. 120–121.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. 1911. Вып. 43. С. 1–47.

Монгайт А.П. Археологические заметки // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 124–137.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Обломский А.Н., Терпиловский Р.В. Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // Кочевники урало–казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 167–172.

Орлов Р.С. Культура кочевников IV–VIII вв. // ЭКУ. К., 1985. С. 98–105.

Петрашенко В.О. Про один керамічний комплекс VIII–IX ст. з Середнього Подніпров'я // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. К.–Львів, 1997. С. 154–160.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура: культурно–хронологический аспект исследования. Воронеж, 1998.

Приходнюк О.М. Оборонні споруди та військове спорядження Пастирського городища // Етнокультурні процеси в Південно–Східній Європі в I тисячолітті н.е. К.–Львів, 1999. С. 240–252.

Приходнюк О.М. Фибулы Пастырского городища // Археология восточноевропейской лесостепи. 2000. Вып. 14. С. 48–73.

Приходнюк О.М. У истоков хазаро-славянских отношений // Хазары. Второй международный коллоквиум. М., 2002. С. 84–86.

Приходнюк О.М., Вакуленко Л.В. Дослідження Пастирського городища в ювілейному сезоні 1998 року // Археологічні відкриття на Україні 1997–1998 р. К., 1998. С. 131–134.

Раунер Ю.Л. Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Известия АН СССР. Серия географическая. 1981. № 6. С. 5–22.

Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. В. Тырново, 2000.

Самойловский И.М. Слов'янський могильник у Києві над Дніпром // Археологія. 1950. Т. III. С. 179–184.

Сміленко А.Т. Глодоські скарби. К., 1965.

Смиленко А.Т. Находка 1928 г. у г. Новые Сенжары (по материалам обследования А.К. Тахтая) // Славяне и Русь. М., 1968. С. 158–166.

Сокровища хана Кубрата. СПб., 1997.

Стріхар М.М. Кочівницьке поховання біля с. Журавлиха на Київщині // Історія і археологія Слободської України. Харьков, 1992. С. 196–197.

Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). К., 1992.

Толчко П.П., Гупало К.М., Харламов В.О. Розкопки Києвоподолу 1973 р. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976. С. 19–46.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М. Наука, 1980.

Швец Г.И. Многовековая изменчивость стока Днепра. Л., 1978.

Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. С. 162–204.

Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, 1982.

Rulikowski E. Mogiła w Helenowce w powiecie Wasylkowskim na Ukrainie w roku 1879 zbadana // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1880. T. IV, dl. I. S. 1–8.

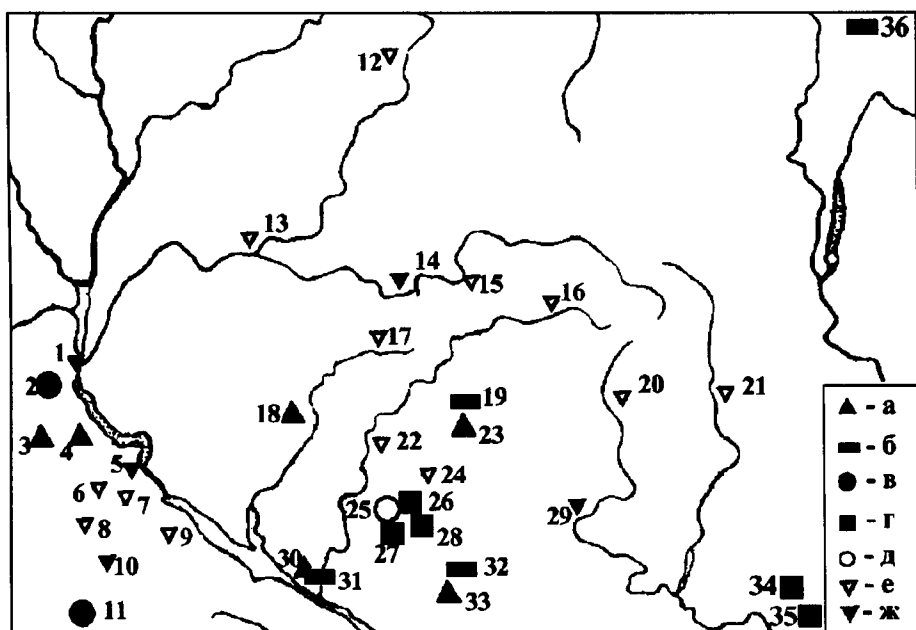

Рис. 1. Лесостепные памятники конца VII – начала VIII в.:

а–д – памятники кочевнической группы (а – подкурганные ингумации; б – грунто-
вые ингумации; в – кремации; г – памятники келегейского типа; д – аланские посе-
ления); е–ж – славянские клады (е – 1-й группы; ж – 2-й группы): 1 – Киев;
2 – Геленовка; 3 – Белая Церковь; 4 – Журавлиха; 5 – Воробьевка; 6 – Малый Ржа-
вец; 7 – Мартыновка; 8 – Вильховчик; 9 – Хацки; 10 – Пастырское; 11 – Глодосы;
12 – Трубчевск; 13 – Менск; 14 – Харьевка; 15 – Гапоново; 16 – Суджа; 17 – Большие
Будки; 18 – Постаवмуки; 19 – Рябовка; 20 – Цепляево; 21 – Колосково; 22 – Блажки;
23 – Березовка; 24 – Кизиевка–Новая Одесса; 25 – Мачехи; 26 – Новые Санжары;
27 – Макуховка; 28 – Малая Перещепина; 29 – Зайцево; 30 – Топило; 31 – Макси-
мовка; 32 – Осиповка; 33 – Заплавка; 34 – Павловка; 35 – Лимаревка; 36 – Арциба-
шево

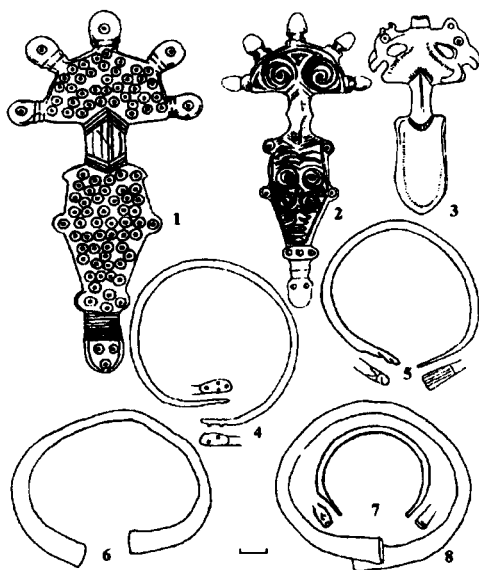

Рис. 2. Вещи славянского облика из кочевнических погребений VII в.:
1–2 – Березовка; 3 – Поставмуки; 4, 5, 7 – Рябовка; 6, 8 – Максимовка

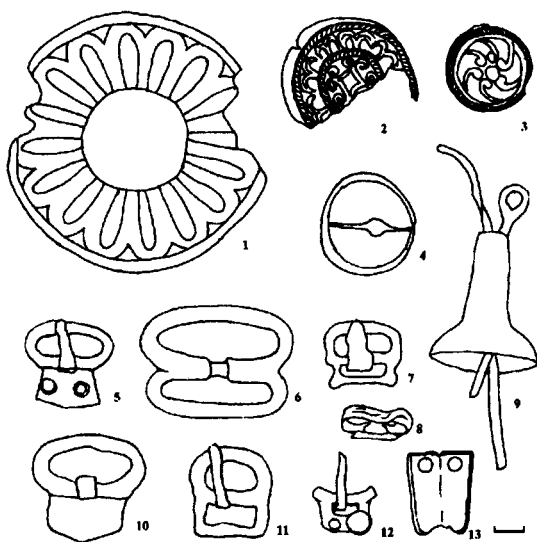

Рис. 3. Инвентарь из Геленовского погребения

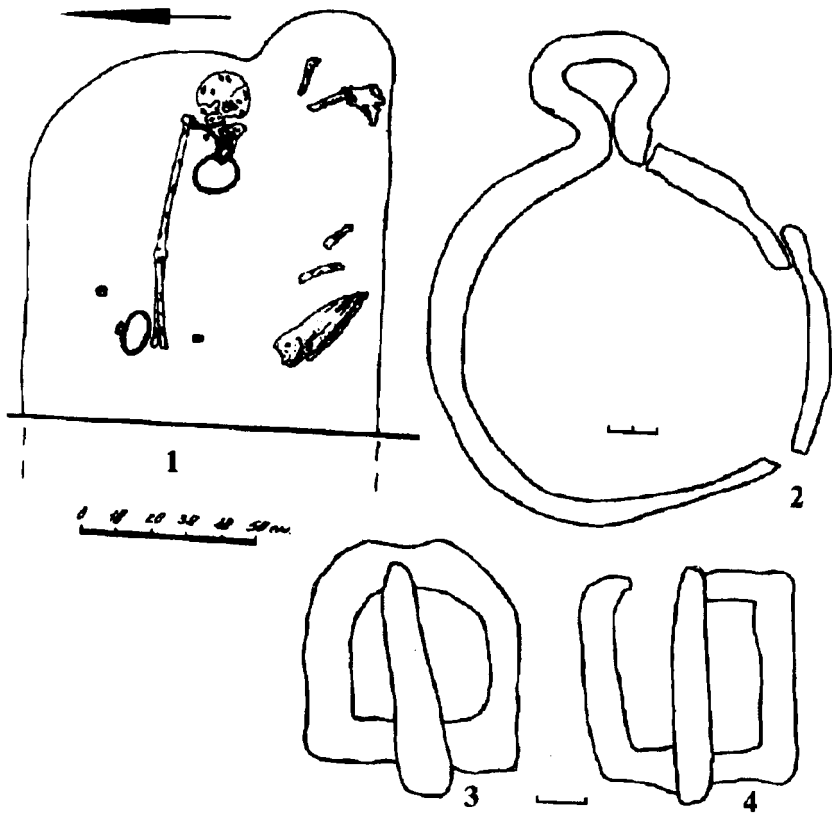

Рис. 4. Инвентарь из п.1 к.1 Журавлихи